

М. Н. Власова M. N. Vlasova
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

«Будьте совестью деревни и духовной памяти ее»: традиционное мировоззрение и фольклор в творчестве поморского писателя В. С. Маслова

«Be the conscience of village and its spiritual memory»: traditional ideology and folklore in the art of Pomor writer V. S. Maslov

Аннотация

В статье М. Н. Власовой проанализированы некоторые аспекты творчества современного поморского писателя Виталия Семеновича Маслова, уроженца мезенской деревни Сёмжи. Книги Маслова посвящены землякам и родной земле, однако это не узкоспециальная краеведческая, а высокохудожественная литература, где и в микрокосме отдельной жизни, и в космосе родной деревни, единственной и неповторимой, преломляются судьбы всего Поморья, возможно, и всего Русского Севера.

Стихия народного языка, народной жизни, окружавшая В. С. Маслова с детства, нашли в его книгах выразительное и прекрасное отражение. Традиционный фольклор вписан в повседневный быт; утвержден в поэтических образах родных и близких людей.

Традиционный уклад, традиционное мировоззрение, конечно же, претерпели ко второй половине XX века существенные и необратимые изменения. И в своем творчестве, и в общественной деятельности В. С. Маслов стремится не к реконструкции либо идеализации былого, но к утверждению изменяющейся жизни «на старых, старейших здешних корнях», на выработанных веками нравственных устоях.

«Задача писателя, сына своей земли, — возбудить в родном народе стремление к родовой памяти, к ответственности перед предками и потомками», — утверждает В. С. Маслов. По его мысли, этому должно способствовать создание и сохранение в Сёмже Дома Памяти, открытого в 1984 году, — «народного музея», где запечатлена история 50 сёмженских родов, «до 9 поколений в каждом».

Конфликт памяти и беспамятства, ответственности и равнодушия, людей «случайных» и о родном крае радеющих в книгах В. С. Маслова обычно — центральный. Он предельно заострен и, как правило, трагичен — созидательное, хозяйское начало терпит поражение, что, к сожалению, соответствует нынешнему положению дел в регионе.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение, фольклор, фольклористика, этнография, история Отечества, Русский Север, поморы

Abstract

Several aspects of art of modern Pomor writer V. S. Maslov who was born in Mezen' village Semzha were analyzed in article written by M. N. Vlasova. Books of Maslov are dedicated to

his countryman and homeland; however, his books are not the highly specialized local ones but belles-letters; fate of the whole Pomor'e and, probably, the whole Russian North are represented through the universe of the one and only home village in these books.

Folk language and folk life which surrounded V. S. Maslov since the childhood were concisely represented in his books. Traditional folklore was impregnated into everyday life and represented through poetical images of relatives and the dearest people.

Of course, traditional life and traditional ideology were significantly and irreversibly transformed in the second part of the XX century. Both in his art and in social activity V. S. Maslov aimed no to reconstruct or idealize the past life but to set the changing life on basis of «old, the oldest local roots», on basis of morality which was developing during ages.

V. S. Maslov states: «The aim of writer, the son of his land is to excite in his people the commitment towards national memory and responsibility ancestors and descendants». According to his opinion, the establishment and preservation of the House of Memory opened in Semzha in 1984: «national museum» which represents the history of 50 families of Semzha, «up to 9 generations of every one» would allow achieving this goal.

The conflicts between memory and unconsciousness, responsibility and ignorance, people who care about their homeland and people who don't are the central ones in V. S. Maslov books. This conflict is drastically sharpened and usually tragic: creative and housewifely origin usually is defeated; such end is typical for the state in this region existing nowadays.

Keywords: *Traditional ideology folklore folkloristics ethnography history of the Homeland Russian north Pomors*

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-183-202

«Ты спрашиваешь, что заставило меня взяться за перо и что такое — Сёмжа, стоит ли она того, чтобы писать о ней. Прошлой осенью за два дня до нашего отъезда из этой поморской деревни, четырехлетний сын сказал мне: “Пойдем, папа, на тот берег, откуда катера уходят, где все люди плачут”.

Я и сам вчера видел, как вели под руки к катеру горем убитую женщину, как отворачивался и кусал губы перед тем, как подняться на катер, шестидесятилетний мужчина на деревянной ноге, видел я, как долго махали вслед ушедшему катеру и вытирали слезы все оставшиеся в деревне. Видел я такое и позавчера, и третьего дня, но я не знал, что всё это наблюдал и сын, и у меня от его слов сжало сердце.

“А почему, собственно, они плачут? — спросил я себя. — Неужели неотвратима эта беда — бросать к концу жизни и родину, и дом, и всё, чему жизнь отдана?”

А не скажет ли мне сын когда-нибудь по-другому: “Куда ты смотрел, когда плакали те люди? Пытался ли ты помочь своей родине, когда она сиротела, теряя тех, кто любил ее? Что ты сделал для сохранения в Сёмже всего того, что было интересного в ней?” Ведь того, что было в этой деревне, нигде не сохранилось».

В. С. Маслов, 1969 г.

Небольшая, но славная своей историей и традициями поморская деревня Сёмжа расположена на правом берегу Мезенской губы, там, где река Сёмжа сливается с устьем реки Мезени.

Сёмжа — родина и место упокоения выдающегося поморского писателя Виталия Семеновича Маслова, который появился на свет в 1935 году, в семье семжан Семена Виссарионовича и Александры Никифоровны Масловых.

Окончив Радиотехническое отделение Ленинградского мореходного училища, всю дальнейшую жизнь Виталий Семенович Маслов работал радионавигатором и начальником радиостанций, в том числе — на атомоходе «Ленин». Первая его повесть — «Круговая порука» — вышла в свет в 1978 году.

Расцвет творчества В. С. Маслова, которого без колебаний можно поставить в один ряд с Борисом Шергиным и Юрием Казаковым, блестящими повествователями и стилистами, посвятившим свои произведения поморам, пришелся на конец 80-х и «провальные» 90-е годы XX в.

Его писательская судьба оказалась сложной; имя Маслова до сих пор незаслуженно отодвинуто в тень.

В настоящее время издано полное собрание сочинений, куда, наряду с лучшими повестями В. С. Маслова — «Из рук в руки», «Проклятой памяти», «Внутренний рынок», вошли многочисленные рассказы, эссе, стихи¹.

Один из сборников рассказов и эссе — «Еще живые» — Маслов назвал «книгой о земляках», теме родной земли посвящено все его творчество.

«Мне писать о моих земляках не скучно. Более того — хочется сказать почти кощунственное: мне писателем быть легко. Бери каждого, любого земляка, и пиши!

И наплачешься над каждым — есть над чем, и возрадуешься — есть чему. И над каждым, в душу и жизнь его глядяваясь, сам воскресаешь... Ни полюсом, ни космосом этого не заменишь»².

Подчеркну: это не узкоспециальная краеведческая, а высокохудожественная литература, где и в микрокосме отдельной жизни, и в космосе родной деревни, единственной и неповторимой, преломляются судьбы всего Поморья, возможно, и всего Русского Севера.

Первые упоминания о поселении, именуемом «Семежским усольем» или Сёмжей, относятся к XVIII в.

«В реке Сёмже глубина в малую воду два фута, в устье — полфута, — сообщал в 1757 году мореплаватель Федор Литке. — На устье реки есть деревня, из четырех дворов состоящая. В ней живут лоцмана, которые содержатся на коште Лесной компании»³.

Уточним, что лоцмана, по-видимому, жили искони на правом берегу устья Сёмжи, а сама деревня тянулась вверх по левобережью.

---

¹ Маслов В. С. Собрание сочинений: в 4 т. Мурманск, 2016.

² Маслов В. С. Еще живые // Площадь первоучителей. Мурманск, 2000. С. 305.

³ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. Ч. 2. СПб., 1828. С. 49.

Со временем выселок на устье перестал существовать, однако, соответственно своему местоположению, Сёмжа вплоть до второй половины XX в. оставалась лоцманской деревней, а также селением мореходов, зверобоев, рыбаков, охотников.

«В Сёмже живут лоцмана, которые заводят пароходы с моря в реку, — отмечено в статье начала 20-х годов XX в. — Раньше сёмжана свои суда имели и ходили в Норвегу. Жили дородно, торговали соленой рыбой»⁴.

Писатель Максимов, посетивший Сёмжу в середине XIX в., насчитывает в ней 15 дворов. «В деревушке деревянная церковь, но выкрытая тесом и покрашенная в зеленую краску. Она, по обыкновению всех поморских церквей, освящена также во имя Николы»⁵.

К концу XIX в. «деревня Сёмжа, расположенная на левом берегу реки Сёмжи», имела 27 дворов и составляла «отдельное общество» Дорогорской волости Мезенского уезда. Церковь во имя св. Николая, построенная в 1847 г. на средства местных крестьян, была приписана к Мало-Кузнецовской слободе г. Мезени⁶.

Приблизительно столько же домов насчитывается в Сёмже и сейчас.

Отличительная черта здешних мест, которая во многом определяет ритм и распорядок жизни Сёмжи — высокие, мощные приливы и отливы (одни из самых высоких в мире), вкупе со своенравием реки Мезени, изобилующей «подвижными», перемываемыми с места на место мелями.

«Вглядишься в неудержимую быстрину омывающих Сёмжу течений, проследи, как за три часа поднимается море на 7–8 метров, как стремительно затопляет берег вода... <...> Дважды в сутки вздыхает тяжело океан, и дважды в сутки вода набегаёт на берег и откатывается обратно», — пишет В. С. Маслов⁷.

Сведения о сугубо опасных местах на реках Мезени и Сёмже усваивали с детства. Мыс Васильевич (Васильич) в нескольких километрах от Сёмжи, «отмечал» то место, где лодка должна была пересечь Мезень и идти дальше уже под другим берегом.

«И вот Васильевич, где переезжали это всё, называли старики “гнилое место”. Там вот идет слив с трех сторон. Там даже при тихой погоде какая-то рябь на воде»⁸.

«Берег здесь — вода непредсказуема, — поясняет один из старожилов Сёмжи. — Потому что, во-первых, течение, ветра. Между кошками, между мелями

---

⁴ Лобанов А. С. Путешествие на Пешу // На Северной Двине. Сборник Архангельского о-ва краеведения. Архангельск, 1924. С. 48.

⁵ Максимов С. В. Год на Севере. Т. 1. СПб., 1859. С. 26.

⁶ Трофименко Д. З. Описание первого Мезенского лесничества Мезенского уезда Архангельской губернии (1877–1891) // АРГО. Р. 1. № 60. С. 173.

⁷ Маслов В. С. Жить Сёмже или не жить (лирический очерк) // Архив семьи Масловых; 1969 г., машинопись. С. 2.

⁸ Архив собирателя М. Н. Власовой (далее — АС), Сёмжа, Капитолина Ивановна Алексахина, 1938 г. р., 2016 г.

течение сбивается — кутерьма. Даже в тихую погоду. Все это надо учитывать. Кто не знает... дак вот пропадает»⁹.

В Сёмже много рассказывали и рассказывают о внезапно налетающих шквалах, штормах, гибнущих судах. Это неотъемлемая часть именно сёмженского фольклора. Одно из наиболее ярких повествований, объединившее трагедию и проблемы рачительного ведения хозяйства, сохранилось в воспоминаниях Семена Виссарионовича Маслова, отца писателя, который предстает одаренным рассказчиком — черта, переданная им сыну.

«В этом году, 1908 году, 8 октября, пал сильный шторм. Осенью, это было — праздник по старому Богослову¹⁰. До сейчас этот шторм вспоминается — Богословский шторм.

И вот шло судно, парусник шел койденский из Архангельска с вином в Кулой. И был шторм очень, и у него, значит, оторвало руль, и он в Кулой попасть не мог.

Остановился, значит, на якорях. И это судно сорвало с якоря — с одного, второго... Он поднял якорь, смог. И пошел на снастях, управлять снастями пошел. “Пойдем, — говорит [капитан], — повыше Сёмжи и станем там на яму, там, — говорит, — за носом место глубоко, и там отстоимся”.

Управление было плохó. И из Сёмжи население днем увидали, что это идет судно — терпит бедствие. Кто был там... Урядник в деревне — он сейчас собрал помоложе мужиков, староста там был, старый, и побежали. По берегу идти было нельзя, шли по горы.

И вот это судно, значит, на мысе Васильевич его выкинуло, прижало его, стало бить. <...> Ну, капитан удерживал команду, что “мы здесь обсохнем и сами выйдем на сухой берег”.

А вода пошла на прибыль. Его, судно, било, било, било... Дало течь. Когда дало течь... Что больше спастись, спасенья не стало! Кто за что!

Один матрос схватил люковину и с ней бросился в море. И вот... был народ, его имали, этого матроса. Долго поимать не могли: волной прибьет — волной отхватит! Ну, в конце концов, он все-таки был пойман, и здесь отогрели. Отогревали — разожгли огонь... А остальные, команда, — так смыло всё. Было пять человек команды и еще два человека, пассажира — мужчина лет 50-ти, и потом женщина. И все погибли.

Капитан был найден, похоронен в Сёмже. <...>

Там сенокосов у Сёмжи, угодьев сёмженских было много. И все сенокосы были на вьмоствах¹¹ — метр, полтора метра вышины — на вьмоствах. Всё сено унесло, все зароды, всё свалило к лесу в такие дыбучие места...

⁹ АС, Сёмжа, Сергей Сергеевич Маслов, 1954 г. р., 2016.

¹⁰ Рассказчик, скорее всего, спутал числа. Этот праздник приходится на 9 октября по новому стилю.

¹¹ Вьмоств — деревянный помост, защищающий накошенное на берегу моря сено от приливных волн и штормов.

И это судно разбило, вывалило его бок. Вывалило его бок, и это вино всё разнесло по всем лайдам¹² этим. Которы ящики разломало, которы целы — большие ящики, под баломбами (опломбированные. — М.В.). Были трехлитровые бутылки в ящиках, а некоторые — шкалики. Ну и вот, ходили люди собирать это сено. И собирали и... вино пригребали к себе. И хотя бы вино пили.

Которы вино пили — пойдет собирать сено, напьется пьяный. Он ничего собирать сена не мог: всё мокро клали, на зиму так и оставалось мокро всё.

Некоторы, значит, трезвы — они сено-то выбирали посуше и вина-то приносили домой. Наносили, ходили которы. Которы пили — ходили по ночам за вином, и которы не пили. Пили — так те наносили и пили, месяцами пили даже...

Ну, а которы не пили, с умом, женщины — те вина запасали, запасали, а зимой потом в Канине не было, значит, — вино увозили туда, в Тимман¹³. Увозили это вино, продавали, а на другой год, через год построили дома. Хотя и небольшие, по две комнаты такие, но построили. Три дома было таких построено.

Ну а это вино все-таки собирали, урядники там ездили на лошадях, собирали его, вино. Собирали, потом увозили в Мезень. Вот так»¹⁴.

В конце XIX в. лесничий Д. З. Трофименко составил подробное описание «дачи Сёмженской», состоявшей «в общем владении казны с крестьянами Сёмженского о-ва Дорогорской волости», которая имела «удобной лесной почвы» 10 467 десятин (при общей площади 38 212 десятин).

Таким образом, «удобная», то есть пригодная к использованию лесная площадь составляла около четверти всей площади Сёмженской дачи. Прочее пространство было занято «реками, речками и ручьями» (162 десятины); озерами (187 десятин); болотами и тундрами (27 272 десятины)¹⁵.

«Около реки Мезень и Ваги грунт суглинистый, смешанный с хрящом и песком, — дополняет краевед И. Поромов. — На возвышенностях почва супесчаная, красно-серая, имеющая слой глубиной около аршина, на каменистой подпочве»¹⁶.

Красноватый, «суглинистый, смешанный с хрящом и песком грунт», выстилающий берега рек Сёмжи и Мезени, пронизан многочисленными ручейками, стекающими с тундряных возвышенностей. Высокие, обрывистые берега — угоры¹⁷ лишь с виду крепки и надежны: ежегодно около двух метров сёмженской земли осыпается в море.

¹² Лайда — прибрежная отмель.

¹³ В селения Канинско-Тиманской тундры.

¹⁴ Воспоминания Маслова Семена Виссарионовича, снятые с магнитофонной ленты // Архив семьи Масловых. Мурманск, 05.07.1993 г. С. 1–2.

¹⁵ Трофименко Д. З. Описание первого Мезенского лесничества Мезенского уезда Архангельской губернии (1877–1891). С. 170–171.

¹⁶ Поромов И. Описание Мезенского уезда. Архангельск, 1858. С. 2.

¹⁷ Угор — крутой, нередко — высотой до двух десятков метров берег, испещренный расщелинами — щельями.

«Это они размывают (ручейки). Весной очень сильно размывают. Сейчас вот который осыпался угор, да его штормами осенними, то и летними штормами побьет, всё разнесет... И угор будет опять — вроде камни. А весной-то таять будет — с талой водой опять метрами будет обваливаться. И так год за годом уходит всё»¹⁸.

Фундаменты сёмженских изб, возводимых на капризных, ненадежных, местами болотистых почвах, традиционно покоятся на сваях (стойках). Их вытесывают из «твердой как камень», «вековечной» лиственницы (по-местному — ли́ствы). Но и опирающиеся на лиственничные стойки дома со временем оседают — перекашиваясь, погружаясь в пронизанную ручейками землю.

Вместе с обваливающимся берегом исчезло на протяжении века три или четыре ряда («порядка») сёмженских изб. В Сёмже, как и во многих северных деревнях, дома искони располагались друг за другом («порядками»), вдоль длинных улиц, покрытых деревянными настилами (мостами). Первый из «порядков», тянувшийся по левобережью и устью реки Сёмжи, постепенно обваливался, ссыпался под угор, после чего приходила очередь второго «порядка».

Традиционно угоры старались крепить.

«Где-то рубили ряжи — из леса, заваливали камнями... Поставили бот спиленный. Долго он стоял тут, десятки лет — разнесло даже вдребезги его. Обломки там где-то в корме еще есть под Новинкой. И ряжей этих обломки лежат. Здесь у ручья, где был... база Путевого поста — тоже было обнесено ряжами и камнями завалено»¹⁹.

Укрепление угоров требовало постоянных, неослабных усилий, и даже в лучшие времена в борьбе с подступающим морем жители Сёмжи не всегда оставались победителями: «А которые дома повисали (над обрывом. — М.В.), — разбирали да переносили <...> Народу много — переносили, где-нибудь лес там заготовят, осушат землю»²⁰.

В последние годы крепить угоры перестали. Часть сёмжан перенесла стоящие в опасной близости к морю дома подальше — и прибрежная деревня «сдвинулась» в сторону тундры.

Избы менее заботливых либо отсутствующих хозяев исчезли безвозвратно.

Своеобразны и неблагоприятны климатические условия региона, которые может охарактеризовать, к примеру, популярная местная поговорка: «Троица в снегу роется».

Реальная (не календарная) весна приходит в Сёмжу в мае. В конце сентября нередко выпадает снег и начинают покрываться льдом реки.

По выводам участников Мезенской экспедиции (20–30-е годы XX в.), хозяйство столь малоприветливого региона, к ландшафтно-климатическим условиям

¹⁸ АС, Сёмжа, Сергей Сергеевич Маслов, 1954 г. р., 2016.

¹⁹ АС, Сёмжа, Сергей Сергеевич Маслов, 1954 г. р., 2016.

²⁰ АС, Сёмжа, 2016 г.

которого нужно было очень и очень приспособливаться, сложилось в общих чертах около XV в.; основными его отраслями являлись лесные расчистки, охота, рыболовство²¹.

К 20-м годам XX в. расчистки становятся «слишком затратны»; промысел рыбы (в основном — семги, наваги) сокращается из-за плохо налаженного сбыта.

Существенную роль приобретает занятость в лесной промышленности (в низовьях Мезени действуют два лесозавода). Организация к середине XX в. регулярной лоцманской службы упрочила репутацию Сёмжи как лоцманской деревни.

Можно сказать, что в хозяйстве семжан, остававшемся на протяжении столетий многоукладным, доминировали попеременно разные отрасли. При этом население отдаленной от центра губернии Сёмжи, укореняясь на родной земле, обихаживая свои дома, оставалось в конце XIX — начале XX в. весьма «подвижным» в выборе наиболее доходных занятий, сочетая и работу на лесозаводе, и охоту, и рыболовство, и зверобойный промысел.

Одно из подтверждений этому находим в автобиографии С. В. Маслова (отца писателя В. С. Маслова), уроженца и жителя Сёмжи. Семен Виссарионович Маслов (1899 г. р.), поступил в 1916 г. рабочим на лесобиржу, а затем — кочегаром на пароход «Сильный», принадлежавший лесозаводу Русанова.

«В 1918–1919 гг., зиму, был работником в Неси у Коткина С. Ф. — на наважьей путине. Весной 1919 г. ходил на весенний зверобойный промысел в одной из сёмженских лодок. В июне 1919 г. поступил матросом на пароход «Виталий» в Архангельске. Плавал до октября по побережью Мурманска»²².

Из года в год, вплоть до начала долголетней работы на лоцманском катере «Линза», Семен Виссарионович попеременно трудится на лесобирже, на погрузке леса, а с окончанием навигации — на наважьей путине и зверобойном промысле.

А в краткую летне-осеннюю пору обихаживали приусадебное хозяйство, заготавливали сено.

«На пожню мы, сёмжане, выезжали, да и колхоз тоже, в утро после Петрова дня, 13 июля, с первым приливом, — вспоминает В. С. Маслов. — Одна бригада — морем, в мезенскую сторону, на соседнюю реку, вторая — во свою реку в верха, третья, домашняя, оставалась при доме, ближние пожни и приморские, и речные, каждый день выезжая, на свои плечи брала. <...> До войны эта бригада (отправлявшаяся в мезенскую сторону — М. В.) уезжала шумно, как поста окончанье, — аж до 80-ти человек в этой бригаде!»²³.

---

²¹ Мезенская экспедиция: [Отчет]. С прил. карты бассейна реки Мезени / Составили Г. Г. Гулюшкин, М. А. Павловский, Н. Д. Понагайбо, А. Д. Тарановский; Под общ. ред. проф. А. И. Шульца и М. Я. Красного (Труды лесоэкономической экспедиции / Управление лесами НКЗ РСФСР. Вып. 1). М., 1929. С. 183.

²² Маслов С. В. Автобиография // Архив семьи Масловых.

²³ Маслов В. С. Наброски к повести «Родька» (С. 6) // Архив семьи Масловых.

После войны бремя горячей сенокосной поры пало на плечи подростков и женщин: «Бабы, вдовы солдатские — на веслах, на руле». Пойти на болота за ягодами в хорошую сенокосную погоду «допускалось лишь самым малым да самым старым, для взрослых — бездельем это считалось»²⁴.

Перерыв между промыслами и сенокосом «коротенький, как вздох»²⁵. Испокон веков жизнь семжанина — круговерть круглогодичных забот, традиционно размеченная и украшенная календарными и семейными праздниками, обрядами.

«Какие бесконечные, воистину святочные ночи! — пишет в наброске к незаконченной повести Виталий Семенович Маслов. — Стараясь не скрипеть, мы бегали вечером гадать-слушать. Столько было ожиданий! Все еще шли и шли похоронки, все еще изредка вздрагивал Мезенский район от радости — объявлялись живыми считавшиеся погибшими, — было о чем гадать.

А с другой стороны — нам было уже одиннадцать! Уже наострылось ухо при словах “невеста”, “жених”... Спрятавшись за поленницы близ тропинок, терпеливо ждали, чтоб прошел кто-нибудь, а еще лучше — чтобы не в одиночестве, да чтоб говорили, — каждое слово было завораживающе значимо!

А то, крадучись, прислонялись к стене жилого дома, ухо от шапки освобождали и к раме прижимали. Одного слова было бы достаточно. И умели услышать, даже если в доме никого не было»²⁶.

Стихия народного языка, народной жизни, окружавшая В. С. Маслова с детства, нашли в его книгах выразительное и прекрасное отражение. Фольклор вписан в повседневный быт; утвержден в поэтических образах родных и близких людей.

«Керосин в то время случался нечасто, лампа если и горела, то лишь самая малая, семилинейная, и недолго, и мы, малыши, едва темень загоняла с мороза домой, еще и рук озябших не отогрев, уже наседали на Елизавету Фомичну, бабушку мою по отцу:

— Ну, баба Лиза, ну хоть одну сказку!

— Завтра, робятки, праздник, сказки сегодня сказывать грех большой, со сказками-то с вашими и помолиться недосуг. <...>

Но бабу Лизу мы, конечно же, уговорим. Влезет в сумерках на печь, больные ноги на горячие кирпичи поудобнее пристроит, и почнет нам, облепившим ее со всех сторон, сказки сказывать — неторопливо, в подробностях, с пояснениями, то и дело спрашивая нас, не перепутала ли она, старая, чего, правильно ли, грешная, рассказывает. Одна сказка — на пять минут, другая — на целый вечер, а “Злотострунное царство”, к примеру, на пять вечеров»²⁷.

²⁴ Там же. С. 7.

²⁵ Маслов В. С. Сестры // Еще живые. С. 247.

²⁶ Маслов В. С. Наброски к повести «Родька» (С. 9) // Архив семьи Масловых.

²⁷ Маслов В. С. На костре моего греха // Площадь первоучителей. С. 15.

Единичные фольклорные и этнографические экспедиции, в Сёмже побывавшие, сказочницу Елизавету Фоминичну Маслову «просмотрели». Во время экспедиции 1922 г.²⁸ В. Чарнолуским от Е. Ф. Масловой, «50-ти лет, грамотной, помнит песни от матери» записаны лирические песни: «Не будите молоду раным-рано поутру...»; «Сиз голубчик, душа мой»; «Сею-вею бел леночек»²⁹.

Даже и в немногочисленных зафиксированных материалах деревня Сёмжа — поморская, колхозная и лоцманская, с нерушимым обычаем полднего кофепития³⁰, с многолюдными гóстьбами, масштабное описание которых напоминает былинныи пиры князя Владимира³¹ — предстает своеобразной, богатой фольклором и талантливыми исполнителями.

Одна из кульминаций сёмженского бытия — свадьба — в одноименном рассказе Маслова — символ утверждения радости жизни, единения, надежды.

«На повéти, срубленной в свое время так, чтобы не только с возом сена подняться в нее можно было, но чтобы потом и лошадь с санями развернуть, — на повети бушует хоровод. Немногочисленные мужские голоса увиты женским многоголосьем, как звонкой золотой паутиной:

— *В-о-о-лузях, во-о-о лузях,*

Ах ты, во лúзях зеленых во лузях...

Вдруг отчаянно высокий голос пожилой женщины вырывается из этого хитросплетенья и бьется под самой крышей между стропил:

— *Выраста!*

Хоровод того и ждал. Словно не было размеренного запева. Говорят во весь голос старые половицы. Надывается ошалело гармошка:

— *Вырастала трава шелковая!*

Ворота на взвоз — настезь!

---

²⁸ «Одной из самых интересных групп источников являются относящиеся к первому этнографическому опыту В. Чарнолуского материалы экспедиции на полуостров Канин в 1922 г. Но это документы, представляющие не только историографический интерес. <...> Участники экспедиции посетили несколько сел (среди них, например, Несь и Семжа) и зафиксировали разнообразные фольклорно-этнографические данные». — *Коткин К.Я.* О составе архива В. В. Чарнолуцкого в фондах Мурманского областного краеведческого музея // Масловские чтения-2016 (в печати).

²⁹ Архив Мурманского краеведческого музея. Папка НВ 3570/108. Л. 7–9.

³⁰ Кофе готовили в самоварах и пили ежедневно, около полудня. «Сколько сохранялся бычай! <...> Я вот помню — в 4-ом классе, закончила 4-ый класс. 20 мая заканчивали. Такая пурга была! Снегу... Вот из школы, ой! — И вот бежишь. У бабушки самовар... Вот как зеркало блестит. <...> Бабушке это надо было каждодневно. А если она кофе не попьет, около 13-ти часов — она голодная. Она пила черный. Без молока. Из блюдечка. Из глúби самовару». — Сёмжа, Капитолина Ивановна Алексахина, 1938 г. р., 2016 г.

³¹ «Я помню только гóстьбы. Раньше какие были. По деревне ходили хороводы. Вот это, и со взвоза «Во лузях» — эту песню пели. <...> Гостьбы — день рожденья. Иль какое привальное. Собирались уже... Просто собирают народ, приглашают. Браги наварят лагуны. И вот угощают. Рыбы, пирогов всяких...» — АС, Сёмжа, Евгения Давыдовна Сахнюк, 1944 г. р., 2016.

Занавески в проеме между повестью и сеньями надулись парусом, оборвали удерживающие снизу ленточки, то взлетая кверху, то опускаясь на головы разгоряченных пляской людей»³².

Фольклорная экспедиция ИРЛИ РАН записала в 1975 году в Сёмже, наряду со свадебными и лирическими песнями, частушками, свадебными и похоронными причитаниями, несколько плясовых. Одна из них («Посеяли девки лен») исполнена Анисьей Алексеевной Поповой и родителями Виталия Семеновича Маслова — Александрой Никифоровной и Семеном Виссарионовичем. От этого же ансамбля была записана лирическая песня-романс «Кругом, кругом осиротела». Кроме того, Александра Никифоровна спела плясовую «Ты сокол, ты сокол молодой», лирическую песню «Сидела Катюшенька да во горенки», а Семен Виссарионович — плясовую «Пошли девки на работу» и лирическую песню-романс «Звенит звонок насчет поверки»³³.

Существенно, что родители писателя Маслова были людьми творческими, художественно одаренными (как упоминалось выше, Семен Виссарионович обладал несомненным даром рассказчика), ценящими «красоту и правильность» традиционного бытового уклада.

«Бабка встает, печку топит, — вспоминает об Александре Никифоровне и Семене Виссарионовиче невестка, В. У. Маслова. — Дед тут пришел: по сетке ходил. Пришел домой, садится — так у него было около окна — место. Бабка ему тут раз: завтрак. Самовар кипит уже. Дед позавтракал, пошел по делам.

Потом ребята встают. Всех напоили-накормили. Потом... Обрядня заканчивается — пекутся пироги.

Но бабушка не садится, пока пироги не вытащат. Чтоб ничего не пригорело. Она говорит: «Если я сяду, я забуду. Про всё. Захочется второй стакан чаю, и всё, и...» Она садилась, только когда уже обрядня закончится. <...> Дед, если завтрак не готов — у него висит это всё для сетки. Сетку начинает вязать. И тут же вот он сидит, он поворачивается так — начинает сетку вязать. Чай закипел — начинает чай пить.

Бабушка, вот она что-то... Минутка у нее выдалась, она — раз: и чего-то машина наготове у нее. Прялка наготове. Машина швейная. Там прострочит полосу.... Там стояла машина, она специально приносила для обрядни. Вот так каждую минуту! И дня не хватало»³⁴.

---

³² Маслов В. С. Свадьба // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. С. 99–100. Плясовая «Во лужях» оставалась особенно популярной в Сёмже вплоть до 60-х годов XX в. Ср.: «А раньше старики ведь — сидят, выпьют немного. Вот дядюшка Елисей хорошо пел тогда.. Вот “Во лужях” — он эту любил, вот “Во лужях”-то. Пойдет, это... он пойдет плясать, и уже за ним». — АС, Сёмжа, 2016 г.

³³ Фонограммархив ИРЛИ РАН. 158 МФ 0957.05. 318 Ф. В 1922 г. В. Чарнолуцкий записал от двадцатипятилетнего С. В. Маслова «Песню скоромную» (архив Мурманского областного краеведческого музея. Папка НВ 3570/108. Л. 6), которая сохранялась в его репертуаре на протяжении всей жизни, но почему-то осталась вне поля зрения экспедиции 1975 г.

³⁴ АС, Сёмжа, Валентина Устиновна Маслова, 1939 г. р., 2016.

В одной из лучших повестей В. С. Маслова — «Из рук в руки» — любовно выписанные черты родителей проглядывают в образах деда Истополя и бабушки Александры.

«...худ дедко Истополь. Но высок. И борода у него — всем бородам борода. Не белая, а какая-то ярко-белая, огненно-белая, — если так о белом сказать можно. <...> Не ходит он никогда спокойно и тем более не топает, всю жизнь легок на ногу, всю жизнь вприбежку. И глаза в глазницах глубоких всегда живо поблескивают — будто высматривает дед, не надо ли еще кому в чем помочь-пособить...»³⁵.

«Навела себе бабка Александра хлопот с Ииным отвальным. Надумала гостей созвать, так надо было и растворить, и испечь — все утро у печки толклась, и закуску приготовить. <...> Кроме закуски, самовары надо было приготовить — под чай и под кофе. Не будешь же в нечищеном самоваре кофе варить! Да и сам кофе пережарить надо было, да смолоть. А на ведерный самовар намолоть — сидеть с меленкой да сидеть, это ведь тебе не в Мурманске, что воткнул в электричество, кнопку нажал: “Ш-ш-ш!” — и готово. <...> Книжки в горнице прибрала. На комод в горнице скатерку перестелила. Новую дедкову фотографию на виду поставила»³⁶.

Многотрудная, столкнувшаяся с различными послереволюционными переустройствами, но как-то их преодолевшая, жизнь одной из самых дальних севернорусских деревень была оборвана в начале 60-х годов XX в., в ходе реализации постановления ЦК КПСС «О неотложных мерах по развитию сельского хозяйства страны», разделившего сельские поселения, на близлежащие и отдаленные. Отдаленное поселение, независимо от значимости его истории и даже успешности хозяйственной деятельности автоматически зачислялось в «неперспективные».

«Маленькая Сёмжа объединилась с Мезенским колхозом, что в 40 километрах от ней, — с горечью повествует В. С. Маслов. — А вскоре, может быть, одновременно где-то кем-то было принято решение о рационализации производства, на основании которого было установлено, что из Сёмжи невыгодно возить молоко, и признано необходимым увезти... коров.

Потом большой колхоз сделался большим совхозом. Совхоз же отказался от всякого морского промысла: мороки с этим промыслом много, а прибавки к зарплате — никакой... А вскоре последовало решение о неперспективности деревни и предложение переселить ее в Мезень. <...>

Но народ в Сёмже оказался консервативным: глава семьи уезжает в поисках работы, а семью оставляет в деревне. Пришлось принимать меры. Сперва закрыли сельсовет. А семжане в ответ еще и подтрунивают: жили, мол, до советской власти, жили при советской власти, проживем и после.

---

³⁵ Маслов В. С. Из рук в руки. Мурманск, 1985. С. 37.

³⁶ Там же. С. 199.

Но последовало решение о закрытии школы — и сразу стало не до шуток. Пришлось ехать семжанам из Сёмжи»³⁷.

«Уезжали здесь, конечно, с большим трудом, со слезами, — вспоминает уроженка Сёмжи. — Тогда это была перестройка, иль какой момент-то был. Колхозы-то стали объединять-то. До перестройки где-то, да. Потому что было горя много. <...> Стали уезжать — то одни, то другие. Ну, стали всё убирать, дак. Слез было много, горя было много. Вот и начали — кто куда. Кто в Каменку, кто в Мезень»³⁸.

«Последнюю зиму коротали там (в Сёмже. — *М.В.*) менее тридцати человек — старики да старухи, — продолжает В.С. Маслов. — Куропатку ловили да навагу удили: кто ходить может — пропитаться есть чем.

А свободное время проводили за писанием просьб и жалоб: просят, чтоб им почту хоть изредка привозили, жалуются, что не дал им колхоз на зиму лошади.

«Мы, — пишут, — все в колхоз-то по коню отвели и в колхозе не хуже других робили. Корову мы не просим, потому как привыкли к сухому молоку, а конь позарез нужен: ведь ежели кто помрет — как на погост доставить?»³⁹

«Неперспективная» деревня Сёмжа, вычеркнутая из реестра существующих, все-таки, спустя два десятилетия, была в этот реестр возвращена.

Столь исключительному, едва ли не единичному событию способствовало создание в Семже — не по указке сверху, а исключительно силами сельчан — Дома Памяти.

Дом Памяти выделяется среди других сельских музеев значимостью замысла, емкой простотой его воплощения. Ничего лишнего, отвлекающего или развлекающего: только лица, имена, даты.

«Главная задача, — разъяснял идею создания Дома Памяти В.С. Маслов, — сохранить имена. Родовая книга — на 50 сёмженских родов, до 9 поколений в каждом. Впервые были возвращены из небытия высланные, раскулаченные, убиенные, погибшие в гражданскую войну по другую сторону баррикады. Отдельная стена — солдатские матери, отдельная — солдатские вдовы»⁴⁰.

«Как-то надо было деревню оживить, что уже на карте не было ее, — вспоминает Валентина Устиновна, вдова писателя. — А потом сама собой родилась

³⁷ Маслов В. С. Жить Сёмже или не жить. С. 9–10.

³⁸ АС, Сёмжа, Алевтина Дмитриевна Филатова, 1938 г. р., 2016.

³⁹ Маслов В. С. Жить Сёмже или не жить. С. 10. «Интересные ответы получены автором в двух областных учреждениях, — дополняет В.С. Маслов. — Помощник областного прокурора т. Абакумов: “Безусловно, семжане имеют полное моральное право на лошадь”. Заведующий организационно-инструкторским отделом облисполкома т. Кривоपालов: “Это, товарищи, не колхоз, это — совхоз. Никакого права просто так дать лошадь государственную он не может. Впрочем, семжане могут купить лошадь: Облисполком в порядке исключения разрешит”. Так состыковались мнения двух учреждений, между которыми пять минут ходу прогулочным шагом». — Там же.

⁴⁰ Маслов В. С. На костре моего греха. С. 11.

идея. Говорит (В. С. Маслов. — М. В.): “Вот эту переделаем с мужиками”⁴¹. А тут без крыши дом был — без окон, без крыши вообще. И сейчас бы его не было, этого сруба. На дрова бы разобрали, и всё.

А он крышу свою крыл в 82-ом году... Где-то в 82–83-ем. Потому что он вместе с Домом крыл. Тут мужики все помогали. Фотографии даже есть. <...> Согласились, все помогали. У колодца повесил объявление — кто хочет поработать. И дети тут — дети с утра редиску насадили рядышком, чтобы весело было. И они все время приходили и смотрели, как редиска, поливали ее, да всё... <...>

(Соб.: *А сразу придумали, что будут только фотографии?*)

— Ну, тут же задумывался Дом Памяти. Памяти погибших. Вот эти предметы (сёмженского быта. — М. В.) уже недавно поставили. Просто старые рушились дома, так всё сюда перенесли... Нет, только имена и фотографии погибших. Но жил кто-то и умер после войны — этих тоже. Все тут они»⁴².

Летними месяцами приводили в порядок старое здание. Врезали большие окна — «память должна быть светлой». Собирали старинные книги, документы, фотографии; кропотливо восстанавливали имена забытых жителей, их родословия.

После открытия Дома памяти в 1984 году деревня Сёмжа из категории «нежилых» была восстановлена в списках населенных пунктов в структуре городского поселения Мезень.

Сбылась мечта Виталия Семеновича: деревня — во многом благодаря Дому Памяти — возродилась «не новым поселением случайных людей», но «на старых, старейших здешних корнях»⁴³. «...и уже на первой странице протокола (имеется в виду первое собрание в возрожденной деревне. — М. В.) — вековые, неостывшие заботы сёмжан, уже в списках первого сельсовета — представители вековых, многоветвистых сёмженских родов: Кузин род, Коммунин род, Николин род, Митриевщина...»⁴⁴.

«В наше время человеку дается полвека сознательной жизни, — настойчиво развивает В. С. Маслов одну из самых важных для него тем — тему преемственности поколений. — Полвека из пятнадцати русских веков. Значит, ты, я — одно из тридцати звеньев, из которых — цепь нашей истории, — какая невообразимая ответственность! <...>

И побеспокоимся же, чтобы наше звено не оказалось поддельным, фальшивым, чтобы потомки, наращивая свои звенья, были уверены в прочности, неразрывности звена нашего, моего. Чтобы было наше, сегодняшнее, звено той же пробы, что и звенья предыдущие.

---

⁴¹ Основой для здания музея послужило помещение заброшенного пожарного депо.

⁴² АС, Сёмжа, Валентина Устиновна Маслова, 1939 г. р., 2016.

⁴³ Маслов В. С. На костре моего греха. С. 11–12.

⁴⁴ Там же. С. 12.

А для этого — пробу предыдущих звеньев знать надо! Точно знать! Для этого — родная история, родные предания, родные былины и — с самого зеленого младенчества — родные сказки. Юные, предбудущие годы для того и даны человеку, чтобы утвердил в себе и определил для себя свою пробу. Дабы не оказаться потом телом отторгнутым, инородным, а еще страшнее — положенным в чужую цепь...»⁴⁵.

Традиционный уклад, традиционное мировоззрение — особенно после появления лесозаводов и распада больших, насчитывавших до двух десятков человек семей, конечно же, претерпели ко второй половине XX века существенные и необратимые изменения. И в своем творчестве, и в общественной деятельности В. С. Маслов стремится не к реконструкции либо идеализации былого, но к утверждению изменяющейся жизни «на старых, старейших здешних корнях», на выработанных веками нравственных устоях.

Не случайно в Сёмже сохранился до сих пор обычай оделять стариков, тех, кто уже не в силах промыслить, — рыбой из первого в году улова.

«...в смысле нравственном — все дела, праведные и неправедные, не только отцов, не только сыновей, но и прадедов наших и правнуков — на нашей совести. Задача писателя, сына своей земли, — возбуждать в родном народе стремление к родовой памяти, к ответственности перед предками и потомками»⁴⁶.

Конфликт памяти и беспамятства, ответственности и равнодушия, людей «случайных» и о родном крае радеющих в его книгах обычно — центральный. Он предельно заострен и, как правило, трагичен — созидательное, хозяйское начало терпит поражение, что, в общем, соответствует нынешнему положению вещей.

В повести «Из рук в руки» повествование двупланово.

Сын, который бывает в родной деревне наездами, требует у старика-отца Паисия Назаровича, состоящего в бригаде Гослова, «из рук в руки» передать ему ворованную семгу.

«Из рук в руки» дед Истополь и бабушка Александра передают внукам Артему и Ростиславу хозяйскую сноровку и духовный опыт.

«Дедо Истополь, бредя за Ростиком к бурлившему, навалившемуся на сети перевалу, прежде чем за первое бревно взяться, успел вдаль глянуть, в голомя»⁴⁷.

И замер, вздрогнув...

К противоположному берегу, еле видимому, чуть-чуть правее его, садилось, к воде приближаясь, солнце. Весь необозримый залив — то вороненый, то золотой — лежал невозмутимый и неподвижный, хотя движение неодолимое чувствовалось во всей необъятной шири его, а вода струилась умиротворенно, и не только свет, мягкий и добрый, исходил от нее — то почти фиолетовый, то червонный, почти бордовый, — но еще и тепло ласковое.

⁴⁵ Там же. С. 111.

⁴⁶ Маслов В. С. На костре моего греха. С. 57.

⁴⁷ Голомя — открытое море; море вдали от берега.

Картина вот эта — солнце рядом с землей над огнистым вороненым морем, — запавшая в душу Истополя давным-давно и как бы уже выцветшая, опять вспыхнула — именно там, в душе вспыхнула — настолько ослепительно и вдруг, что замерла душа, вздрогнув.

Впервые солнце здешнее и подзакатное одухотворенное здешнее море отпечатались в ней, в душе Истополя, столько лет назад, что вроде и не наяву... Тоже в воде стоял, только не по колено, а по грудь — камбал бродили⁴⁸. Часто детьми, бродец в лодку погрузив, гребли они, одногодки, из Крутой Дресвы к открытому морю, и закатный час для брожения камбал самым любимым был. <...>

И после, повзрослев, бесцелно выезжал сюда Истополь. Но или погоды такой больше не приводилось, или сам он был уже не тот — не потрясала больше красота, не томила, не очищала и не опустошала... А вот сегодня... Может быть, оттого, что сегодня уже не он, а внук впереди идет, не он, а внук здесь главный? <...>

А Ростик стоял впереди и неподвижно туда же, в море глядел...

Однако из теплого далекого далека надо было деду Истополю обратно возвращаться. Сюда (на тоню⁴⁹. — М. В.), где, поблизости, темного обрыва отражение в мокром берегу дымится-переливается, где, чуть поодаль, у закольев голомянных, бревна, еще на плаву, притихли.

— Дедушка! Можно, я один здесь управлюсь? Дедушка!⁵⁰

⁴⁸ Брожение камбал — лов камбал «по малой воде», по отливу. Описание этого по преимуществу мальчишеского занятия содержится в набросках В. С. Маслова к повести «Родька» (С. 8–9).

«...далеко не у каждого из пацанов на это натуры хватало. С отливом, с полводы палой, когда, вроде, по приметам, не сулятся, не обещает налететь большой шторм и не налетает ветер-засиверко, отправлялись пацаны из деревни вдоль Канина на север. К тем местам, где осушка во время отлива — бесконечна. <...> Кидали якорь, так, чтобы воды под карбасом — не толще, чем по грудь. И спускали в ту воду босые ноги. «Господи благослови!» — просили вслух, как бы в шутку. И все от стужи сжимается в тебе, кажется — душа где-то под подбородком. Об одном молишься, чтобы хоть фуфайка под горлом осталась сухой, хоть бы поначалу... Мешок для рыбы — на веревке-петле. Через плечо широченные пояса. Крюк-кокорка на поясе — спереди у каждого. Вываливаем из карбаса бродец, на колья намотанный, расходимся, растягивая сеть от кола до кола, нижний конец кола — по грунту, верхний — в руках, с пояса — крюк-гак, как тяга главная. И вот побрели взапят — уже по течению, и все следующие — тоже... Уже и карбас обсохнет на берегу — далеко-далеко от кромки воды, а ты все бредешь, стараясь не глубже, чем по пояс, сдержанно ойкаешь при остром камешке под ногой, а то и, запинаясь, окунаешься с головой. И бредешь так, и бредешь, пока не начнется, не встретит, придя с севера, очередной прилив. И опять по течению бредешь, но теперь — к карбасу обратно, торопясь, чтобы успеть к нему с водой-приливом».

⁴⁹ Тоня (здесь) — рыболовный участок, предназначенный для лова рыбы.

⁵⁰ Речь идет о необходимости за время отлива очистить укрепленную на кольях сеть от нанесенных приливными волнами бревен и мусора. Обрывистые берега местных рек, высокие приливы, отсутствие удобных стоянок для карбасов предопределили выбор «ставного орудия с ловушкой»: его «бережная стена» заканчивалась своего рода тайником («двориком»), который образовывали колья с натянутой на них сетью в виде шестиугольника.

В голосе внука нетерпенье и мольба.

— Что ты, Ростиславушко!... И мужику-то тут до прибылой воды не справиться!

— Дедушка! Ну если я не сумею, ты меня... Дедушка! Иди к той сетке, к Камешку. — В домашнюю сторону Ростик махнул. — А я — здесь!

— Ну, раз уж решил... — серьезно ответил дед. — Пойду. Если что — фуфайку на первый кол перевесь: пока еще светло — увижу. Да не бери силой-то, не пересажайся.

— Ладно, дедушка!

И, держа наготове топор, Ростик шагнул к бурлившему перевалу...»⁵¹.

Повесть завершается безвременной смертью Паисия Назаровича, сокрушенного невзгодами, но не преступившего неписанные законы севернорусской деревни.

«Мелькнуло было: “А не разыгрывает ли сын, отца на воровство толкая? Не шутка ли?”

Но чего себя обманывать...

“Вели он сейчас из бригады уйти — уйду. Слова не сказав, послушаюсь... Знал бы Оська, сколь не по силам бывают новой раз не только бревна, но и чурки даже. Видел ведь, как я у тони пластался. Велел бы: “Откажись!”, а он — нет: “Вором стань!”

Ося, видимо, догадался, о чем отец думает, спросил:

— Да как насчет давешнего разговора?

У Паисия кусок в горле застрял.

— Неужто я... На старости-то лет... С голоду, парень, помри, а не украдь...»⁵².

Действие повести происходит в деревне Крутая Дресва, которая оживает лишь летом, с появлением гословской бригады, и до мелочей напоминает деревню Сёмжу, — уже после ее расселения. Ни медпункта, ни магазина, ни электричества, вот-вот оборвется телефонная линия — последняя связь нескольких постоянно живущих здесь стариков с «большой землей». Новая «долговременная государственная политика»⁵³ ломает и деревню, и людские судьбы.

«А между тем, нынче — опять поветрие, — подытоживает В. С. Маслов. — Мезенский большой совхоз делят на маленькие. И семжане спрашивают: “Который же совхоз теперь нашим считать?”

Теперь хочется спросить тех, кто определял в свое время судьбу деревни: неужели нельзя было перед этим подумать, проанализировать местные условия?

Безусловно, были недостатки в организации труда, жизни поморских деревень, но вправе ли мы называть рационализаторами людей, которые вместо

Промоина, по которой шла рыба, должна была располагаться напротив ворот тайника. — *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 103.

⁵¹ *Маслов В. С.* Из рук в руки. С. 43–44.

⁵² Там же. С. 102.

⁵³ Там же. С. 197.

искоренения недостатков объявляют анахронизмом, подлежащим искоренению, само Поморье?

Точно так в ответ на жалобы семжан, касавшиеся несвоевременной доставки почты, было решено... закрыть в Сёмже почту.

Возможно, четырехсот гектаров не везде удобной земли для Сёмжи маловато, но разве перестало существовать море, которое всегда было главным кормильцем семжан?»⁵⁴

Судьба Сёмжи, повторяющая судьбы многих и многих поморских деревень, по сей день остается не столь уж радужной.

Вписав деревню в реестр существующих, ей не вернули ничего, что необходимо для нормального повседневного быта. Телефонная связь — только утром в воскресенье. Связь водой — около часа до близлежащей Каменки, если погода позволяет (не штормит). Ездят на своих плавсредствах, иногда — на катере Каменки.

Тем не менее, в весеннее-летне-осенний сезон Сёмжа полна жизни.

Дети, отпускники, дачники. Почти у всех домов — электрические движки.

«...на первый взгляд, никакая она не исчезнувшая и не брошенная, эта деревня Сёмжа, — констатирует один из участников празднования юбилея В. С. Маслова, архангельский писатель В. Ф. Толкачев. — Живет, поет, электричеством балуется, баньки топит, праздник надумала праздновать... А во-он, за ручьем, кто-то и евро-коттедж возвел, околотив его веселым сайдингом». К юбилею Виталия Семеновича Маслова народу еще прибавилось. Живет и Дом Памяти, пополняется Родовая книга.

А зимой здесь по-прежнему пусто⁵⁵.

За минувшие двадцать лет социально-бытовая обстановка в регионе ухудшилась; промышленность и сельское хозяйство пребывают в состоянии упадка. Этому «нисходящему» процессу сопутствует стремление развивать в районе туристический бизнес, а также клубную деятельность, инспирируемую и поддерживаемую Министерством культуры. И все же, несмотря на отдельные успехи,

---

⁵⁴ Там же. С. 10–11.

⁵⁵ Нельзя не упомянуть о том, что семжанин Николай Ксенофонтович Маслов прожил в опустевшей деревне безвыездно 20 лет. В последние годы пару месяцев он все-таки проводит в Каменке. «24 декабря выехал и в феврале заехал. Два месяца в Каменке пожил. Зимой — само холодное время-то, темное. А Галю завез, жену — через месяц. Месяц один был, ее в марте завез.

(Соб.: *А когда деревню уничтожили, вы все-таки уезжали?*)

— Да, вынуждены были. Родители-то уехали — надо было учить детей-то. Школы, ничего нет. Вынуждены уехать. Создали такие условия, что люди покидали деревни. Работы нет. Учебы нет. Магазины нет. Поневоле уедешь.

(Соб.: *Детей вырастили — и назад?*)

— Кое-кто — да. Приезжали, тут еще была одна семья — здесь тоже долго жили, на пенсию вышли, тоже коз держали. Вот так вот... <...> Свободы-то тут хватает. Свободы и тишины, покоя, как говорится...» — АС, Сёмжа, 2016 г.

успешное обращение Мезенского района в туристический заповедник — сомнительно.

Так что же спасет завещанную предками землю? Едва ли — развлекательные клубные действия, но — сохранение живой связи поколений, личная инициатива, созидательный труд и ответственность, понимание значимости поступка и творчества в любом предпринятом деле. Все это составляло смысл жизни Виталия Семеновича Маслова и до сих пор находит отклик среди сельчан.

К открытию Дома Памяти был написан «Завет» — завещание-напутствие Виталия Семеновича, обнародованное в год его 80-летия:

«Волею случая оказался в числе тех, кто задумал и создал Дом Памяти в нашей родной Сёмже. Передавая Дом в руки Совета (местного сельсовета — *М. В.*), завещаю: хранить вечно собранное, пополняя его и углубляя, наращивая родовые древа новыми, входящими в жизнь поколениями...

Будьте совестью деревни и духовной памятью её. Помните землю и воды её по границе этой земли и этих вод. Если даже не будет Сёмжи, должен остаться Дом памяти. До тех пор, пока он есть, эта земля — наша, и понятие родины для наших потомков не будет понятием отвлечённым... Мы — Россия. Так должно быть и через тысячу лет. Да будут же мудрее и счастливее, чем мы, те, кто придёт за нами!»

Станет ли это завещание, тон которого, в общем-то, печален, делом?

А пока осеняет и оберегает деревню крест над могилой поморского писателя В. С. Маслова.

Литература

- Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- Воспоминания Маслова Семена Виссарионовича, снятые с магнитофонной ленты // Архив семьи Масловых. Мурманск, 05.07.1993 г.
- Коткин К. Я.* О составе архива В. В. Чернолуцкого в фондах Мурманского областного краеведческого музея // Масловские чтения-2016 (в печати).
- Литке Ф. П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. Ч. 2. СПб., 1828.
- Лобанов А. С.* Путешествие на Пешу // На Северной Двине. Сборник Архангельского о-ва краеведения. Архангельск, 1924. С. 48–53.
- Максимов С. В.* Год на Севере. Т. 1. СПб., 1859.
- Маслов В. С.* Жить Сёмже или не жить (лирический очерк) // Архив семьи Масловых. 1969 г.
- Маслов В. С.* Из рук в руки. Мурманск, 1985.
- Маслов В. С.* Еще живые // Площадь первоучителей. Мурманск, 2000. С. 195–311.
- Маслов В. С.* Сестры // Еще живые / Площадь первоучителей. Мурманск, 2000. С. 244–261.
- Маслов В. С.* На костре моего греха // Площадь первоучителей. Мурманск, 2000. С. 10–167.
- Маслов В. С.* Наброски к повести «Родька» // Архив семьи Масловых. С. 1–19.

- Maslov V. S.* Собрание сочинений в 4 т. Мурманск, 2016.
- Maslov V. S.* Свадьба // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. С. 95–118.
- Maslov V. S.* Автобиография // Архив семьи Масловых.
- Мезенская экспедиция: [Отчет]. С прил. карты бассейна реки Мезени / Составили Г. Г. Гулюшкин, М. А. Павловский, Н. Д. Понагайбо, А. Д. Тарановский; Под общ. ред. проф. А. И. Шульца и М. Я. Красного (Труды лесоэкономической экспедиции / Управление лесами НКЗ РСФСР. Вып. 1). М., 1929.
- Поромов И.* Описание Мезенского уезда. Архангельск, 1858.
- Трофименко Д. З.* Описание первого Мезенского лесничества Мезенского уезда Архангельской губернии (1877–1891) // АРГО. Р. I. № 60.

References

- Bernshtam T. A.* Pomory: Formirovanie gruppy i sistema hozaistva. L., 1987.
- Vospominaniya Maslova Semena Vissarionovicha, snyatyie s magnitofonnoi lenty // Arckiv sem'i Maslovyh, Murmansk, 05.07.1993 g.
- Kotkin K. Ya.* O sostave arkhiva V. V. Charnoluskogo v fondah Murmanskogo oblastnogo kraevedcheskogo museya // Maslovskie chteniya-2016 (v pechati).
- Litke F. P.* Chetyrekhkratnoe puteshestvie v Severnyi Ledovityi okean. SPb., 1828.
- Lobanov A. S.* Puteshestvie na Peshu // Na Severnoi Dvine / Sbornik Arkhangel'skogo obshchestva kraevedeniya. Arkhangel'sk, 1924. S. 48–53.
- Maksimov S. V.* God na Severe. T. 1. SPb., 1859.
- Maslov V. S.* Zhit' Semzhe ili ne zhit' (liricheskiy ocherk) // Arckiv sem'i Maslovyh, 1969 g.
- Maslov V. S.* Iz ruk v ruki. Murmansk, 1985.
- Maslov V. S.* Eshche zhivye // Ploshchad' pervouchitelei. Murmansk, 2000. S. 195–311.
- Maslov V. S.* Sestry // Eshshe zhivye / Ploshchad' pervouchitelei. Murmansk, 2000. S. 244–261.
- Maslov V. S.* Na kostre moego grekha // Ploshchad' pervouchitelei. Murmansk, 2000. S. 10–167.
- Maslov V. S.* Nabroski k povesti "Rod'ka" (S. 1–19) // Arkhiv sem'i Maslovyh.
- Maslov V. S.* Sobranie sochinenii v 4 t. Murmansk, 2016.
- Maslov V. S.* Svad'ba // Sobranie sochinenii v 4 t. Т. 1. Murmansk, 2016. S. 195–118.
- Maslov V. S.* Avtobiografiya // Arkhiv sem'i Maslovyh.
- Mezenskaya ekspeditsiya. [Отчет]. S pril. Karty basseina reki Mezeni / Sostavili G. G. Gul'yushkin, M. A. Pavlovskii, N. D. Ponagaibo, A. D. Taranovskii; Pod obshch. red. Prof. A. I. Shul'tsa i M. Ya. Krasnogo (Trudy lesoekonomicheskoi ekspeditsii / Upravlenie lesami NKZ PSFSR. V. 1.). М., 1929.
- Poromov I.* Opisanie Mezenskogo uezda. Arkhangel'sk, 1858.
- Trofimenko D. Z.* Opisanie pervogo Mezenskogo lesnichestva Mezenskogo uezda Arkhangel'skoi gubernii (1877–1891) // АРГО. Р. I. № 60.